

Т. Л. Лабутина

НАСЛЕДИЕ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ИДЕОЛОГИИ РАННИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В статье анализируется влияние основных концепций из арсенала партий Английской революции середины XVII в. (индепендентов, левеллеров, республиканцев) на идеологов политических партий тори и вигов в период Реставрации Стюартов и раннего Просвещения. Идея божественного происхождения королевской власти сделалась стержневой в идеологии ранних тори. Наиболее последовательные из них защищали абсолютную, неограниченную форму монархии. Более сложными оказались истоки идеологии оппозиции. Ранние виги по-заимствовали основные идеи прежде всего из арсенала так называемых «шелковых» индепендентов. Являясь противниками абсолютной монархии, виги отрицали божественное происхождение королевской власти. Их идеологи выступали в защиту конституционной монархии. Большинство вигов видели возможность ограничения королевской власти с помощью закона. Решающую роль при конституционной монархии они отводили парламенту. Ранние партии оказались выразителями идеологии классов нового буржуазного общества, начавшего формироваться после революции середины XVII в. Тори отвергали любые попытки изменения существующей формы правления, ибо только монархия в полной мере отвечала их требованиям. Виги, выражая интересы буржуазии и нового дворянства, вели борьбу с абсолютизмом, не собираясь, однако, упразднить королевскую власть. Основные идеи из арсенала революционеров были в дальнейшем взяты на вооружение идеологами партий в эпоху Просвещения, хотя сами просветители осуждали революцию и всячески стремились отрицать какую-либо преемственность или связь с левеллерами, индепендентами и их последователями периода Реставрации. Теории общественного договора, конституционной монархии, разделения и равновесия ветвей власти, сопротивления тирании, защита частной собственности, личностных и гражданских свобод не только вошли в арсенал ранних политических партий XVII–XVIII вв., но и послужили основой модели либеральной демократии, широко распространенной в современном мире. Таким образом, влияние Английской революции середины XVII в. в идейном плане оказалось более значимым и долговременным, чем Славной революции 1688–1689 гг. Библиогр. 21 назв.

Ключевые слова: Англия, XVII век, революция, политические партии, идейное наследие, общественный договор, разделение властей, сопротивление тирании, гражданские свободы.

Для цитирования: Лабутина Т. Л. Наследие английской революции в идеологии ранних политических партий // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 587–600. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.310

Т. Л. Labutina

HERITAGE OF THE ENGLISH REVOLUTION IN THE IDEOLOGY OF EARLY POLITICAL PARTIES

This article analyzes the conceptual influence of the political parties of the English revolution of the middle of the 17th century that made up an arsenal of groups (independents, levellers, republicans) on the ideologists of political parties of the Tories and Whigs during the Stuart Restoration and early Enlightenment. The idea of the divine origin of Royal power became central in early Tory ideology. Many of them defended the absolute, unlimited form of the monarchy. More complex were the origins of the ideology of the opposition. Early Whigs borrowed the main ideas first and foremost in the arse-

---

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Российская Федерация, 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а: tlabutina2007@yandex.ru

Labutina Tatyana Leonidovna — Doctor in History, Professor, Leading Researcher, Institute of General History of The Russian Academy of Sciences, 32a, Leninskii pr., Moscow, 117334, Russian Federation; tlabutina2007@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

nal of so-called “silk” independents. Opposed to absolute monarchy, Whigs denied the divine origin of Royal power. Their ideologues advocated a constitutional monarchy. Most Whigs saw the possibility of limiting Royal power through the law. They allotted to Parliament the crucial role in constitutional monarchy. Early parties were spokesmen for the ideology of the new bourgeois classes of society which had begun to take shape after the revolution of the mid 17th century. The Tories rejected any attempts to modify the existing form of government, because only monarchy was fully meet their requirements. Whigs, expressing the interests of the bourgeoisie and the new nobility, fought against absolutism, not intending, however, to abolish the Royal authority. The main ideas from the arsenal of the revolutionaries was later adopted by the ideologues of political parties in the age of Enlightenment, though enlightenment had condemned the revolution and has been at pains to deny any continuity or connection with the levellers, the independents and their followers from the Restoration period. Theories of social contract, constitutional monarchy, separations and balances branches of the power, resistance to tyranny, protection of private property, personal and civil liberties, were not only included in the arsenal of early political parties of the 17–18th centuries but also formed the basis for a model of liberal democracy which was to become widespread in the modern world. Thus the influence of the English revolution of the middle of the 17th century in the ideological plan was more significant and long-term, than the Glorious Revolution of 1688–1689. Refs 21.

Keywords: England, 17th century, revolution, political parties, ideological heritage, the social contract, separations and balances branches of the power, tyranny resistance, civil liberties.

For citation: Labutina T.L. Heritage of the english revolution in the ideology of early political parties. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 3, pp. 587–600. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.310

Влияние революции середины XVII в. оказалось поистине судьбоносным не только для политического, социально-экономического, но и для интеллектуального развития английского общества. Свершившаяся в 1660 г. реставрация монархии Стюартов не смогла возратить прежние порядки. Несмотря на то что влияние революционных идей в ту пору заметно ослабело, тем не менее оно продолжало прослеживаться. Носителями революционных идей в Англии после революции оказались идеологи политических партий. О том, как трансформировалось идейное наследие буржуазной революции середины XVII в. в идеологической платформе ранних политических партий, пойдет речь в нашей статье. Отметим, что указанная проблема продолжает оставаться слабо разработанной в отечественной историографии и дискуссионной в зарубежной исторической науке.

Процесс образования партий в правление Карла II Стюарта (1660–1685) явился неизбежным следствием того усиления власти и престижа парламента, которого он достиг в период Английской революции середины XVII в. Формирование политической оппозиции началось с первых лет правления Карла II. Политика правительства создавала и объединяла недовольных в среде имущих классов. Еще задолго до возникновения партий в их рядах начинают обозначаться политические симпатии и антипатии. Первоначально для обозначения политических группировок, образовавшихся в 1660-х — начале 1670-х гг., использовались термины «Двор» и «Отечество», к концу 70-х годов эти названия стали обозначать эмбрионы политических партий (правительственной и оппозиционной), а с 1679 г. за партиями закрепляются более лаконичные имена: тори и виги. Какие же идеи революционной эпохи были востребованы партиями в период Реставрации?

Идея божественного происхождения королевской власти сделалась стержневой в идеологии ранних тори. Ее сторонники, подобно пресвитерианам, приходили к выводу о том, что монархия является «естественной и разумной» формой прав-

ления. Наиболее последовательные из них защищали абсолютную, неограниченную форму монархии. Сторонники подобной теории утверждали за королем право «контролировать все политические учреждения без вмешательства с чьей-либо стороны», оправдывали неограниченную власть, даже тиранию. Наиболее полно это учение изложил Р. Фильмер. Согласно его доктрине, государство является подобием семьи, глава государства — отец, а народ — его дети, а поскольку власть отца над детьми неограниченна, то и созданная по ее образцу королевская власть также должна быть неограниченной. По мнению Фильмера, «король — превыше законов». Более того, он является «автором, толкователем и исправителем общественного закона», а также судьей во всех случаях [Patriarcha 1949, p. 102, 106, 109].

Ратуя за неограниченную власть короля и проповедуя ее божественное происхождение, Фильмер в то же время значительное место в государственном управлении отводил парламенту. Законность существования при монархии парламента Фильмер обосновывал тем, что последний получил свою власть от короля точно так же, как король получил свою власть от Бога. Все высказывания Фильмера о месте и значении парламента при абсолютной монархии сводятся к тому, что парламент остается «составной частью организма, главой и правителем которого является король» [Patriarcha 1949, p. 118, 120].

Защитниками неограниченной королевской власти стали в период Реставрации многие тори — члены парламента. Они утверждали, что «король — божий помазанник», он является сувереном, в его руках — жизнь и смерть подданных, он полноправен и полновластен, высшая свобода подданных — повиновение монарху. «Мы должны доверять тому правителю, которого нам посылает Бог», — заявлял один из ораторов палаты общин Мэрвилл [Parl. Hist. 1807, p. 855]. Ему вторил другой тори — депутат Джонкинс, утверждавший, что «королю принадлежит божественная власть и никто, даже парламент, не вправе лишить его этой власти» [Parl. Hist. 1807, p. 1190]. По словам депутата-тори Уоллера, у подданных не должно возникать даже мысли об ограничении власти монарха.

Доктрина божественного происхождения власти монарха сделалась главным аргументом в идеологии тори. Из этой доктрины сторонники короля выводили положение об обязанности всех подданных ему повиноваться и о невозможности оказания сопротивления, особенно с помощью оружия. Тезис о «непротивлении» и «пассивном подчинении» воле монарха сделался одним из основных принципов торизма, а утверждение о том, что восстание является смертным грехом, — излюбленным у тори. В то же время тори отстаивали необходимость существования парламента. «Конец парламента будет началом смуты», — заявлял депутат-тори Джон Беркенхид на одном из заседаний палаты общин [Parl. Hist. 1807, p. 765]. Однако сторонники тори всячески стремились ограничить функции представительного учреждения, желая его видеть лишь в качестве придатка к неограниченной власти монарха.

Политические воззрения тори особенно ярко проявились в годы так называемого «исключительного кризиса» [Лабутина 1982, p. 182–185]. Билль об исключении из числа престолонаследников брата короля — герцога Йорка в силу его приверженности католицизму тори расценили как посягательство на основное право монарха. Они утверждали, что «исключение» противоречит основным принципам английской конституции, что клятва верности, принесенная королю, обязывает

быть верными также его наследникам и что все прецеденты в прошлом, как во времена королевы Елизаветы, когда Мария Стюарт была лишена короны, заканчивались фатально [Parl. Hist. 1807, p. 1205–1206, 1190–1191]. Поэтому в большинстве своем тори выступали против принятия билля об «исключении».

Более сложными были истоки идеологии оппозиции. Весьма существенными для ранних вигов оказались идеи, наиболее последовательно разработанные в годы революции индпендентами. Их идеологи (Кромвель, Айртон, Паркер) выступали в защиту конституционной монархии. Признавая источником власти народ, а целью ее — благо народа, Генри Паркер приходил к выводу о том, что в Англии нет условий для неограниченной власти. Однако при этом идея верховенства народа у него вполне уживалась с конституционной монархией, за которую выступали так называемые «шелковые» индпенденты и достижение которой станет главной целью ранних вигов.

Многие идеи будут позаимствованы вигами у левых индпендентов, в частности у Джона Мильтона. Ярый противник абсолютной монархии Милтон отрицал ее божественное происхождение. Он утверждал, что короли и правительства получили власть от народа в виде поручения, чтобы использовать и употреблять ее в его интересах [Milton 1932, vol. VII, p. 109]. Но если правитель не охраняет свободы и безопасность подданных, то они вправе свергнуть его. Таким образом, по мнению Мильтона, народ имеет право сопротивляться тирании всеми доступными средствами, вплоть до свержения и казни тирана [Milton 1932, vol. V, p. 111].

Виги сочтут приемлемыми для себя и взгляды Мильтона на парламент, который представлялся ему как «многочисленное собрание тех, кого страна считает самыми мудрыми». В парламенте, на его взгляд, более важной является палата общин, поскольку «лорды представляют лишь самих себя, а общины — всю нацию» [Milton 1932, vol. VI, p. 125–126].

Хотя Милтон и развивал теорию народного суверенитета, он не возражал и против конституционной монархии, если власть короля будет ограничена парламентом, а сам монарх подчинен закону. Взаимоотношения короля и народа у Мильтона строятся на определенном договоре, закрепленном в присяге на верность со стороны подданных, и коронационной клятве со стороны правителя. В случае нарушения королем клятвы подданные перестают ему повиноваться, сам правитель становится тираном, и его низложение расценивается как «богоугодное действие» [Milton 1932, vol. VII, p. 175].

Ранние виги позаимствовали основные идеи у партий периода революции, прежде всего из арсенала так называемых «шелковых» индпендентов. Являясь противниками абсолютной монархии, виги отрицали божественное происхождение королевской власти. Их главный теоретик Олджернон Сидней, опровергая в работе «Рассуждения о правительстве» патриархальную теорию королевской власти, писал, что власть отца естественна, власть короля общественна и, как следствие, короли получают свою власть от народа [Sidney 1751, p. 58]. Сидней подчеркивал: «Нация подчиняется только тому, кого выбирает, и в той степени, в какой это оговорено законом» [Sidney 1751, p. 87].

Рассматривая вопрос о происхождении государства, Сидней обращался к «договорной» теории. В основе государственного устройства лежит «договор» — добровольное соглашение свободных людей о том, чтобы жить в обществе, подчи-

няясь избранной ими власти. В договоре определены условия и размеры уступок, которые делегируют подданные из своих прирожденных прав магистратам в целях сохранения спокойствия и обеспечения свобод и собственности каждого индивидуума. Суверенитет государства поэтому ограничен, и осуществление его поручается не единоличному властителю, а выборным уполномоченным, носителям законодательной власти. Исполнительная власть вверяется монарху и зависимому от него штату чиновников. Лучшая форма правительства, по мнению Сиднея, смешанное правление, состоящее из элементов демократии, аристократии и монархии. Преимущества «смешанной» формы правления Сидней усматривал в том, что нация больше заботится об общем благе, а правительство менее подвержено «коррупции и порочности», предпочитает мир войнам во внешней политике и с легкостью способно урегулировать любые «гражданские беспорядки в стране» [Sidney 1751, p. 130, 143, 154, 172].

Главное место в конституционной монархии Сидней отводил парламенту. По его мнению, парламенты всегда были «опорой свободы и верными защитниками притесненных». Именно парламенты «обуздывали королей и сохраняли равновесие между ними и народом». Основная цель парламента, считал Сидней, — «сделать нацию великой и счастливой».

Существенное место в работе Сиднея отводилось теории сопротивления. Он посвятил многие ее страницы объяснению положения о том, что сопротивление монарху часто просто необходимо и может принести заметные улучшения. Сидней считал, что каждый человек должен иметь право на оказание сопротивления тирану. «Мечи даны нам для того, чтобы никто из нас не стал рабом», — цитировала слова идеолога вигов исследовательница К. Роббинс [Robbins 1959, p. 44].

Насколько идеи апологета вигизма О. Сиднея оказались созвучными воззрениям большинства членов партии оппозиции? Взгляды вигов на происхождение королевской власти в полной мере совпадали с воззрениями Сиднея. Так, парламентарий Генри Буф утверждал, что монарх получал свою власть не от Бога, а от народа. «Первый король был избран за мудрость, храбрость, справедливость, — заявлял он, — поэтому люди дали ему некоторую власть над собой для руководства и защиты» [Parl. Hist. 1807, p. 1194]. Тезис о том, что король «является королем только по закону», отстаивал лидер вигов граф Шефтсбери. На его взгляд, доктрина божественного происхождения представляла собой опасность для нации, поскольку противоречила законам королевства и подрывала основы конституционного правления.

Так же как и для «шелковых» индипендентов, конституционная монархия сделалась желанной формой государственного устройства для первых вигов. При этой форме правления король является высшим чиновником государства. Ему принадлежит исполнительная власть. Он слуга народа и подотчетен народному представительству — парламенту. Но так как, по мнению Генри Буфа, «короли подвластны тем же слабостям, что и другие люди, их власть необходимо ограничить законом» [Parl. Hist. 1807, p. 1194].

Большинство вигов, как и Сидней, видели возможность ограничения королевской власти с помощью закона. Решающую роль при конституционной монархии они отводили парламенту, составленному «из многих верных и достойных людей». Виги полагали, что парламент, особенно его низшая палата, является «глазами ко-

роля». Поэтому, как утверждал депутат-виг Томас Мэрис, «мы обязаны указать королю, где находится червоточина (canker), и средство, чтобы от нее избавиться» [Parl. Hist. 1807, p. 768]. Виги высоко ценили привилегии парламента и заявляли, подобно депутату Томасу Кларджу, что не смогут служить королю и стране, если их привилегии будут нарушаться. По мнению депутатов-вигов У. Ковентри и Ч. Харборда, парламента вправе изменять любые законы королевства. Большинство вигов являлись стойкими защитниками ежегодных парламента и ведущую роль в них отводили палате общин.

Виги ратовали за реформу парламента, но при этом, как и их предшественники в период революции, высказывались за сохранение имущественного ценза. Мнение большинства вигов относительно того, кто же должен избираться в парламента, высказал граф Шефтсбери в памфлете «Размышления о выборах». «Желательно, чтобы выборы в парламента проводились ежегодно, — писал он, — а депутаты не избирались пожизненно. Это в значительной мере предотвратит коррупцию... Я считаю неразумным, принимая во внимание увеличивающиеся доходы избирателей, оставлять действующий ценз в 40 шил. Если урегулировать этот вопрос, то количество избирателей на четверть уменьшится, а следовательно, сократятся неразумные расходы на их содержание во время выборов и уменьшится опасность, которую представляют многолюдные сборища в период избирательных кампаний» [Somers 1812, p. 400]. Кандидаты в депутаты, по мнению графа, должны иметь годовой доход не менее 10 тыс. ф.ст. Такая избирательная система превратит парламента в «совершенное учреждение, представляющее интересы всего народа в целом и каждого человека в отдельности». Лидер вигов был твердо убежден в том, что в парламенте должны заседать «мудрые, серьезные, честные и состоятельные люди».

Большинство вигов считали, что можно добиться установления конституционного правления через реформу государственного устройства. Такая возможность представилась оппозиции в период так называемого «исключительного кризиса». Когда зашаталась устои наследственной монархии, виги в своей борьбе против деспотизма использовали в качестве одного из аргументов идею «выборной монархии». Они высказывали опасения, подобно Томасу Плею, что при вступлении герцога Йорка на трон возможно возвращение к тому, «что было до Реставрации». Виги заявляли: «Когда люди свободны и равны, они... выбирают такое правительство, которое им нравится, и сохраняют за собой право изменять его по своему желанию». Пытаясь не допустить на трон католического наследника, виги заверяли, что готовы пойти на любые меры, а если герцог Йорк все же посмеет вступить на престол, то они окажут ему сопротивление [Parl. Hist. 1807, p. 1125, 1167].

Следует отметить, что теория «сопротивления» занимала важное место в воззрениях ранних вигов. В 1675 г. премьер-министр Дэнби предложил в парламенте билль «о повиновении», в соответствии с которым все должностные лица были обязаны присягнуть в том, что «не будут покушаться ни на какие изменения в государственном и церковном устройстве». Однако этот билль был провален. Да и как могли принять его виги, если их теория «общественного договора» предусматривала отказ повиноваться власти в случае нарушения ею законов. «Если король поступает вопреки закону, то подданный не обязан ему подчиняться», — заявлял автор анонимного памфлета «Письмо о выборах» [Somers 1812, p. 221]. Право сопротивления виги расценивали как естественное следствие «договорной» теории, но в действи-

тельности оказались далеки от нее, и, когда в 1685 г. Карл II скончался, они не предприняли никаких попыток помешать вступлению его брата-католика на престол.

Таким образом, ранние партии оказались выразителями идеологии классов нового буржуазного общества, начавшего формироваться после революции середины XVII в. Тори отвергали любые попытки изменения существующей формы правления, ибо только монархия в полной мере отвечала их требованиям. Виги, выражая интересы буржуазии и нового дворянства, вели борьбу с абсолютизмом, не собираясь в то же время упразднить королевскую власть. При всех различиях торийской и вигской идеологий политическое поведение представителей обеих партий было продиктовано общим страхом перед выступлениями народных низов, опасениями новой гражданской войны. В случае же подобной угрозы тори и виги могли прийти к компромиссу, который достигался на консервативной основе.

Оказало ли влияние идейное наследие Английской революции на партии в последующий за Реставрацией период? Заметим, что идеология тори и вигов в период правления последних Стюартов (1689–1714) оказалась тождественна их просветительской платформе [Лабутина 1994, с.76–77]. Между тем мнения ряда зарубежных ученых по вопросу влияния на просветителей идей революции расходятся. К примеру, британский историк Дж.Френклин полагал, что идейное наследие буржуазной революции исчезло вместе с партийными проводниками этих идей [Franklin 1981, p.126]. Это мнение оспаривается американскими исследовательницами К.Роббинс и М.Джекоб. Обе они склонны полагать, что на радикальное английское Просвещение большое влияние оказали именно идеи революции, и прежде всего республиканские [Robbins 1959, p.7; Jacob 1981, p.29]. Кто же из ученых прав?

Обращаясь к высказываниям ранних просветителей как торийской (Дж.Свифт, Г.Болингброк), так и вигской ориентации (Д.Дефо, Дж.Аддисон, Р.Стиль, лорд Сомерс, маркиз Галифакс и др.) о событиях середины XVII в., убеждаемся, что они в большинстве своем носили негативный характер. Так, Свифт называл революцию «противоестественным восстанием» против законного короля [Swift 1940, p.145], а лорд Болингброк характеризовал ее как «самую гнусную узурпацию и самую подлую тиранию», возобладавшие над английским народом в результате «происков худших и подлейших из людей» [Болингброк 1978, с.207]. Наиболее развернутую характеристику революции дал журналист Дж.Аддисон. Он называл революцию «Великим мятежом», который «расколол нацию и завершился убийством суверена». Это было, на его взгляд, «одно из самых гнусных преступлений, какие только может совершить человек». «Великий мятеж» представлялся Аддисону «средоточием зла», вызвавшим «грабежи, безнравственность, убийства». Он вызвал обеднение народа, разорение семей, разжигание ненависти среди граждан, привел страну в состояние войны и несчастий, а также спровоцировал агрессию со стороны внешних врагов. На его взгляд, «любой грабитель или убийца выглядят безвинными людьми в сравнении с мятежниками» [The Free-Holder 1751, p.94].

Осуждая революцию, идеологи партий — просветители в то же время позаимствовали основные идеи из арсенала революционеров, хотя при этом, как утверждала К.Роббинс, они всячески стремились отрицать какую-либо преемственность или связь с левеллерами, индипендентами и их последователями периода Реставрации [Robbins 1959, p.3]. Какие же идеи оказались востребованными тори и вигами в эпоху раннего Просвещения из революционного наследия?

Центральное место в идеологии ранних просветителей занимала теория «общественного договора», наиболее полно разработанная Джоном Локком. В соответствии с этой теорией все люди пребывали в «естественном состоянии» до тех пор, пока не стали членами политического или гражданского общества. Государство возникло в результате общественного договора ради достижения мира, безопасности и блага всех людей. При этом имелось в виду, что та власть, которую каждый индивидуум передает обществу, когда вступает в него, остается у государства до тех пор, пока оно существует. Общество же вручает законодательную власть какому-либо собранию людей, и эта власть также не может вернуться к народу до тех пор, пока существует данный государственный строй. Доверив законодательному органу действовать непрерывно или временно, народ тем самым передает ему свою политическую власть. Он также вверяет законодательной власти право создавать для него законы, необходимые ради общественного блага, обещая, со своей стороны, эти законы выполнять [Локк 1985, с. 155, 176, 253].

Разработанная Локком теория «общественного договора» нашла своих приверженцев среди многих идеологов буржуазии. Наиболее последовательными ее защитниками сделались просветители вигской ориентации — Д. Дефо, Р. Стиль, Дж. Аддисон. В то же время тори также выступали в поддержку данной концепции. Однако у них имелись некоторые расхождения с локковской теорией, как, к примеру, у лорда Болингброка. Хотя Болингброк и признавал наличие договора и естественное его происхождение, в то же время основные идеи Локка не принимал. Как отмечал американский историк И. Крамник, смысл, вкладываемый Болингбромом в понятие «договорная теория», отличался от того, что понимал под этим Локк. Выражая взгляды буржуазии, Локк отстаивал прежде всего идеологию среднего класса, включавшую в себя идеи «индивидуализма, личных свобод, собственной выгоды и конкуренции как позитивные социальные ценности». Политические же идеалы Болингброка, защищавшего интересы аристократии и джентри, являлись «аристократическими и патерналистскими». Поэтому Болингброк осуждал теорию индивидуализма и свободы частного предпринимательства, в чем существенно расходился с Локком. Как справедливо признавал Крамник, Болингброк вкладывал в понятие общественного договора «более традиционный и менее революционный смысл, чем Локк» [Kramnick 1968, p. 98–100].

Схожесть с локковской теорией прослеживается в работах известного литератора, просветителя вигской ориентации Даниэля Дефо. Он был солидарен с Локком в том, что власть монарха не являлась божественной по своему происхождению, поскольку была получена им от народа. Народ сам избрал своего правителя и заключил с ним договор, который и является «краеугольным камнем создания монархии». В соответствии с договором монарх должен править народом, а подданные обязаны ему подчиняться, причем границы власти правителя, равно как и степень подчинения подданных, определяются законами и конституцией каждого государства. При заключении общественного договора правители связаны коронационной клятвой в том, что будут править в соответствии с законом, а подданные заверяют, что будут подчиняться всем королевским законам. Правители, получившие власть от народа, должны ее использовать в целях «безопасности, благосостояния, а также благополучия тех, над кем поставлены править» [Defoe 1705,

р. 245, 251, 255]. Подобно Локку, Дефо утверждал, что государство создается прежде всего «для сохранения собственности народа».

Превозносимый общественный договор как источник создания государственной власти, просветители-виги одновременно преследовали своей целью ослабление королевской прерогативы. Поэтому в большинстве случаев они говорили о «договорном», а не «божественном» происхождении королевской власти, подвергая серьезной критике широко распространенную в XVII в. «патриархальную» теорию Р. Фильмера. Локк заявлял, что политическая и отцовская власти «совершенно различны и раздельны и покоятся на совершенно различных основаниях и существуют для совершенно различных целей». Родительская власть проистекает из обязанности, возложенной обществом, и сводится к тому, чтобы заботиться о своем потомстве до его совершеннолетия. Родительское правление, утверждал Локк, является естественным и не распространяется на те цели и юрисдикцию, которые являются политическими категориями. Кроме того, отцовская власть не может быть деспотической. Что же касается власти правителя, то она ему вверяется народом ради сохранения прежде всего его собственности [Локк 1985, с. 176, 179, 206, 210].

В соответствии с теорией «общественного договора» народ избирал наиболее приемлемую для себя форму правления. Наибольший интерес просветители проявляли к монархической и республиканской формам правления. К республике все они относились негативно, и не только из-за воспоминаний о событиях революции как о «Великом мятеже», анархии и разгуле народной стихии. Просветители были убеждены, что республика затруднительна в управлении. Так, Галифакс полагал, что привлечение к управлению большого количества людей, к тому же молодых и неопытных в политике, весьма «затрудняет» использование подобной формы правления на практике. Кроме того, человечество не готово к республиканскому правлению из-за низких моральных качеств ряда граждан. По мнению Дефо, республика — это «химера», «абсурд», «непрактичная идея», которую невозможно реализовать на английской почве. Ведь никто не пожелает добровольно отказаться от тех свобод, которыми владеет, тогда как республика, по его убеждению, попытается отобрать эти свободы у граждан [A True Collection 1703, p. 150–151].

Для большинства просветителей, как торийской, так и вигской ориентации предпочтительной формой правления являлась конституционная монархия. Конституционная монархия представлялась просветителям гармоничной формой правления. Правление Англии — это ограниченная монархия, при которой, как писал Дефо, власть правителя определяется законами, «народные права утверждены на протяжении веков», монарх, лорды и общины, участвующие в управлении государством, имеют собственные привилегии, но действуют в согласии, что и приводит «к гармонии конституции» [A True Collection 1703, p. 364]. Галифаксу особенно импонировало в конституционной монархии органичное единение власти и свободы, заключавшееся в том, что правителю предоставлено «почетное право командовать свободными людьми, а подданным — испытывать удовлетворение от того, что власть так хорошо устроена и их свободы обеспечены» [Halifax 1912, p. 62].

Какие бы преимущества конституционной монархии ни отмечали просветители, они не могли не затронуть главной цели буржуазии, установившей данную форму правления, а именно: ее стремления добиться максимального ограничения королевской власти. Наиболее ярко эта мысль прослеживается в рассуждениях Бо-

лингброка, утверждавшего, что после Славной революции 1688–1689 гг. английская конституция «перестала быть загадкой, власть короны четко ограничена, химера прерогативы устранена, и права подданных не являются более проблематичными». Болингброк подчеркивал: при конституционной монархии король перестает быть верховным правителем, а становится всего лишь «винтиком», хотя и главным, в политическом и государственном механизме управления [Болингброк 1978, с. 170].

Таким образом, подвергая критике республиканское правление и абсолютную монархию, буржуазные идеологи выступали в защиту ограниченной монархии, делаясь не только в теории, но и на практике апологетами установившегося в Англии после Славной революции социального строя. Примечательно, что защитниками данной формы правления в равной мере являлись представители обеих политических партий, поскольку существующий строй одинаково отвечал интересам как «денежных», так и «земельных» людей. Теоретические рассуждения просветителей относительно преимуществ правления «смешанной» монархии вряд ли приобрели должный вес, если бы не следствия данной теории, воплотившиеся в известном положении о «разделении» и «равновесии» ветвей власти.

Все английские просветители были убежденными приверженцами теории «разделения властей». Одним из первых об этой теории заговорил Дж. Локк. Необходимость соблюдения данного принципа в правлении он объяснял следующим образом. Правитель государства, который пользуется правом издания законов, может пожелать сосредоточить в своих руках и право на их исполнение для того, чтобы самому не подчиняться тем из них, которые неудобны либо невыгодны ему самому. Поэтому-то и необходимо провести разделение власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную [Локк 1960, с. 83–84]. Ему вторил Дж. Свифт, который утверждал, что управление государством нельзя вверять в руки немногих и что хорошо устроенным может считаться только такое государство, в котором власть разделена.

Отстаивая принцип «разделения» властей, все просветители сходились во мнении, что верховной должна оставаться законодательная власть, которая принадлежит коллективному органу — парламенту. Именно парламент в состоянии обеспечивать через издание законов неприкосновенность собственности граждан, и в этом заключалась, на взгляд Локка, его главная миссия. Болингброк полагал, что только парламент способен сохранять свободы граждан, заявляя: «Парламенты — истинные хранители свободы, именно с этой целью они и были созданы» [Болингброк 1978, с. 174].

Центральное место в парламенте просветители отводили палате общин. Болингброк, как в свое время Мильтон, утверждал, что участие лордов в работе парламента несущественно, поскольку они ответственны за свою деятельность «перед Богом, перед своей совестью, перед судом общественной славы и — более ни перед кем». Напротив, палата общин представляет народ и потому несет ответственность перед своими избирателями. Болингброк считал обязательной подотчетность всех членов палаты общин перед народом. Если народ одобряет деятельность депутатов, то их полномочия продлеваются на новый срок. Но если же их работа по какой-то причине не устраивает сограждан, то они в праве отозвать неудобного депутата, что позволит избежать «множества неудобств и злоупотреблений» и достичь «множества мудрых и справедливых целей» [Болингброк 1978, с. 189–190].

В соответствии с теорией «разделения властей» исполнительная власть в Англии принадлежала монарху. Первейшей обязанностью монарха просветители считали его подчинение законам, которые издает парламент. Именно законы должны ограничивать исполнительную власть, возложенную на правителя. Дефо осуждал людей, которые утверждали, что «король превыше закона». Он полагал, что подобные высказывания нарушают одну из первейших заповедей конституционного правления, гласившую: «Закон правит королем», и потому король обязан подчиняться закону согласно коронационной клятве.

Большое внимание просветители уделяли нравственным и деловым качествам верховного правителя. Стиль полагал, что монарх должен быть «хорошим человеком, во все вникающим и связанным священной клятвой в том, что врученная ему власть будет направлена на служение обществу» [The Englishman 1955, p. 15]. Монарх обязан управлять народом в соответствии с установленными парламентом законами и вообще быть «другом» и «покровителем» для своих подданных. Стиль считал, что верховный правитель должен обладать скромностью, мудростью, справедливостью, добротой, искренностью, патриотизмом и т. д.

В соответствии с теорией «разделения властей» третьей властью в государстве считалась судебная, рассмотрению вопроса о которой просветители также уделяли немало внимания. Больше всего просветителей беспокоило, чтобы судьи, которым надлежит стоять на страже законов, не превратились в орудие воли правителя. Как подчеркивал юрист по профессии лорд Сомерс, судьи зачастую поступают вопреки данной ими клятве и наказывают безвинных людей, что не только препятствует справедливому отправлению правосудия, но угрожает стабильности конституции и может спровоцировать установление в стране деспотического правления. Галифакс также высказывал опасения в том, что могут произойти нежелательные последствия, если правосудие начнет испытывать давление «сверху» либо попадет в руки «несведущих людей». Если же законы «правильно толковать» и со вниманием к ним относиться, то они обращаются в «сокровища» страны.

Важное место в идеологии партий периода раннего Просвещения занимала теория «сопротивления», позаимствованная из идейного наследия Английской революции. Но чем был вызван интерес к теории, оправдывавшей сопротивление верховному правителю, со стороны тех идеологов, которые поддерживали существующий режим правления и одобряли деятельность монарха? Ведь абсолютизма, против которого боролись идейные предшественники просветителей, в стране не существовало. Тем не менее теория «сопротивления» продолжала активно обсуждаться на страницах журналов и газет, в трактатах и памфлетах. Более того, данная теория сделалась своеобразным «водоразделом» в идеологии политических партий, поделив их на сторонников и противников сопротивления. Поскольку данная проблема была в свое время подробно изучена автором [Лабутина 1990], то здесь мы ограничимся лишь отдельными рассуждениями.

Теория «сопротивления», позаимствованная у идеологов революции 1640–1660 гг., в трактовке просветителей лишилась своего революционного содержания. Если в период революции данная теория призывала к ниспровержению как правителя-деспота, так и самого государственного строя, то в эпоху раннего Просвещения она уже была направлена на защиту существующего режима, установившегося после Славной революции. Поскольку правление конституционной монархии в равной

мере устраивало и «земельные» (торийские), и «денежные» (вигские) интересы, то теоретические рассуждения о праве народа на сопротивление, пропагандировавшие их идеологами, сводились к защите данной формы правления. Допускалось лишь сопротивление правителю в случае чрезмерного усиления определенной ему конституцией прерогативы, что могло бы изменить установившееся равновесие властей не в пользу парламента, а следовательно, ослабить позиции господствующих классов. Впрочем, возможность сопротивления правителю также вызвала со стороны буржуазных идеологов ряд оговорок. Степень оказания сопротивления исполнительной власти сделалась предметом идейных размежеваний просветителей «торийского» и «вигского» направлений. Если просветители-виги допускали возможность роспуска правительства, отставку кабинета министров, лишение правителя, узурпировавшего власть, короны, а в экстренном случае даже его казнь, то просветители-тори противились любым насильственным мерам по отношению к верховному правителю, возлагая всю ответственность за «дурное» правление страной на министров.

В то же время просветители проявляли завидное единодушие, когда надо было выступить против тех, кто мог воспользоваться декларированным правом сопротивления — против народных низов. Народ мог выступить не только против правителя-деспота, но против существующего строя, что вызывало серьезное беспокойство у имущих слоев. Опасения нового взрыва народной стихии проявлялись со всей очевидностью в трактовке просветителями теории «сопротивления». Угроза вступления на арену политической борьбы народных масс в качестве борющейся стороны заставляла просветителей исключать их из данной теории. В результате теория «сопротивления» в оковах буржуазной ограниченности лишилась в эпоху Просвещения в Англии своего революционного содержания.

Между тем разработанная англичанами теория внесла неоценимый вклад в общественно-политическую мысль европейского и американского Просвещения XVIII в. Тираноборческие призывы, воспетые английскими просветителями, нашли свое практическое применение в борьбе американских колоний за независимость, французского народа в годы буржуазной революции, антикрепостнического движения в России. В результате теория «сопротивления», рожденная идеологами Английской революции середины XVII в., подхваченная и получившая свое дальнейшее теоретическое развитие в трудах ранних просветителей, была реализована на практике новыми поколениями революционеров во многих странах мира.

Итак, подведем итоги. Влияние революции середины XVII в. оказалось поистине судьбоносным для развития английского общества. Опыт Английской революции был воспринят также американскими, французскими и даже русскими революционерами. Как утверждал известный британский историк К. Хилл, «жирондисты и якобинцы, меньшевики и большевики, цареубийцы и республиканцы вписывались в образцы, установленные Английской революцией» [Hill 1990, p. 204, 233, 242]. Как видно, идейное влияние революции оказалось более значительным, чем было принято считать в историографии. Оно было продолжительным по своему воздействию, перешагнуло хронологические рамки и национальные границы. Даже спустя три с половиной столетия интеллектуальный резонанс революции эхом отзывается в созданной либералами модели современной демократии, которая прочно утвердилась в большинстве западных стран. Значение Английской революции середины XVII в. поистине трудно переоценить.

Источники и литература

- Боллингброк. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. 360 с.
- Лабутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов. 1660–1681. М.: Наука, 1982. 208 с.
- Лабутина Т. Л. Идеи революции после революции (Теория «сопротивления») // Ранние буржуазные революции и современная историческая мысль. Казань: Изд-во Казанского университета, 1990. С. 17–19.
- Лабутина Т. Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М.: ИРИСС-ПРЕСС. 1994. 304 с.
- Локк Д. Два трактата о государственном правлении // Локк Д. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 2. С. 135–407.
- Defoe D. Reflections upon the Late Great Revolution // A Collection of State Tracts Published during the Reign of William III. Vol. I. London: [S. n.], 1705. P. 236–265.
- The Englishman. A Political Journal by Richard Stelle / ed. by R. Blanchard. London: Clarendon Press, 1955. 497 p.
- Franklin J. H. John Locke and the Theory of Sovereignty, Mixed Monarchy and the Right of Resistance in the Political Thought of the English Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 164 p.
- The Free-Holder, or Political Essays. London: [S. n.], 1751. 267 p.
- The Complete Works of George Savile First Marquess of Halifax. Oxford: Clarendon Press, 1912. 304 p.
- Hill Chr. A Nation of Change and Novelty. Radical Politics, Religion and Literature in Seventeenth-Century England. London; New York: Routledge, 1990. 224 p.
- Jacob M. The Radical Enlightenment. Pantheists, Freemasons and Republicans. London: George Allen&Unwin, 1981. 312 p.
- Kramnick I. Bolingbroke and His Circle. The Politics of Nostalgia in the Age of Walpole. Harvard: Harvard University Press, 1968. 321 p.
- The Works of John Milton: in 7 vols. New York: Columbia University Press, 1932; vol. V — 402 p.; vol. VI — 370 p.; vol. VII — 432 p.
- Patriarcha and Other Political Works of Sir Robert Filmer. Oxford: Basil Blackwell, 1949. 326 p.
- Parliamentary History of England from the Norman Conquest in 1066 to the Year 1803 / ed. by W. Cobbett. Vol. IV. London: [S. n.], 1808. 1390 p.
- Robbins C. The Eighteenth-Century Commonwealth man. Harvard: Harvard University Press, 1959. 462 p.
- Sidney A. Discourses Concerning Government. London: [S. n.], 1751. 645 p.
- Somers John, Lord. A Collection of Scarce and Valuable Tracts. Vol. VIII. London: [S. n.], 1812. 592 p.
- Swift J. The Examiner and Other Pieces Written in 1710–1711. Oxford: Basil Blackwell, 1940. 292 p.
- A True Collection of the Writings of the Author of the True-Born Englishman. Vol. I. London: [S. n.], 1703. 336 p.

References

- Bolinbrok, H. [Bolingbroke]. *Pisma ob izuchenii i polse istorii* [Letters on the Study and Use of History]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 360 p. (In Russian)
- Labutina T. L. *Politicheskaya borba v Anglii v period restavrazii Stuartov* [Political Battle in England during the Period of the Stuart Restoration]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 208 p. (In Russian)
- Labutina T. L. *Ideii revolyuzii posle revolyuzii (teoria soprotivleniya)* [Ideas of Revolution after Revolution (Theory of Opposition)]. *Rannii burzhuaznii revolyuzii i sovremennaya istoricheskay misl'* [Early Bourgeois Revolution and Contemporary Historical Thought]. Kazan', Kazan's University Press, 1990, pp. 17–19. (In Russian)
- Labutina T. L. *U istokov sovremennoy demokrati. Politicheskaya misl angliiskogo Prosveshcheniya* [At the Sources of Modern Democracy. Political Thought of the English Enlightenment]. Moscow, IRISS-PRESS, 1994, 304 p. (In Russian)
- Lokk Dzh. (Locke, J.) *Dva traktata o gosudarstvennom pravlenii* [Two Treatises on Government]. Dzh. Lokk (J. Locke). *Sochineniya* [Collected Works]. In 3 vols. Moscow, 1985, Mysl' Publ., volume 2, pp. 135–407. (In Russian)
- Defoe D. Reflections upon the Late Great Revolution. A Collection of State Tracts Published during the Reign of William III. Volume I. London, [S. n.], 1705, pp. 236–265.
- The Englishman. A Political Journal by Richard Stelle. Ed. by R. Blanchard. London Clarendon Press, 1955, 497 p.

- Franklin J. H. *John Locke and the Theory of Sovereignty, Mixed Monarchy and the Right of Resistance in the Political Thought of the English Revolution*. Cambridge, Cambridge University Press, 1981, 164 p.
- The Free-Holder, or Political Essays*. London, [S. n.], 1751, 267 p.
- The Complete Works of George Savile First Marquess of Halifax*. Oxford, Clarendon Press, 1912, 304 p.
- Hill Chr. *A Nation of Change and Novelty. Radical Politics, Religion and Literature in Seventeenth-Century England*. London; New York, Routledge, 1990, 224 p.
- Jacob M. *The Radical Enlightenment. Pantheists, Freemasons and Republicans*. London, George Allen & Unwin, 1981, 312 p.
- Kramnick I. *Bolingbroke and His Circle. The Politics of Nostalgia in the Age of Walpole*. Harvard, Harvard University Press, 1968, 321 p.
- The Works of John Milton*. In 7 vols. New York, Columbia University Press, 1932; volume V — 402 p.; volume VI — 370 p.; volume VII — 432 p.
- Patriarcha and Other Political Works of Sir Robert Filmer*. Oxford, Basil Blackwell, 1949, 326 p.
- Parliamentary History of England from the Norman Conquest in 1066 to the Year 1803*. Ed. by W. Cobbett. Volume IV. London, [S. n.], 1808, 1390 p.
- Robbins C. *The Eighteenth-Century Commonwealth man*. Harvard, Harvard University Press, 1959, 462 p.
- Sidney A. *Discourses Concerning Government*. London, [S. n.], 1751, 645 p.
- Somers John, Lord. *A Collection of Scarce and Valuable Tracts*. Volume VIII. London, [S. n.], 1812, 592 p.
- Swift J. *The Examiner and Other Pieces Written in 1710–1711*. Oxford, Basil Blackwell, 1940, 292 p.
- A True Collection of the Writings of the Author of the True-Born Englishman*. Volume. I. London, [S. n.], 1703, 336 p.

Received: 27.03.2017

Accepted: 10.08.2017